

Он был в ванной, когда неожиданно позвонила бывшая жена.

— Сереж, — позвала Инга и поскреблась в дверь, — тебя спрашивает какая-то Кира! Говорит, что она — яд.

— Не яд, — пробормотал Сергей, второпях смывая мыльную пену с волос, — Ятт.

— Что? Сереж, я ничего не слышу. Ты подойдешь или нет?

Он толкнул дверь и высунул руку, в которой сразу же оказалась заморская телефонная трубка из шершавой пластмассы.

— Да.

— Сереж, тебе чай или кофе? — закричала Инга уже издали, и он прикрыл дверь в ванную.

— Привет, — сказала из трубки Кира, — ты уже завтракаешь или только голову моешь?

— Привет, — поздоровался Сергей. На вопрос про голову он предпочел не отвечать.

Она резвится с утра пораньше, а он потом целый день будет думать невесть о чем. День у него и без того планируется сложный.

— Ты зачем по фамилии представляешься? Или ты думаешь, что я не догадаюсь, какая Кира может мне звонить?

— Кто тебя знает, — сказала она весело, — ты у нас явление загадочное и необъяснимое.

— Я не у вас, — пробормотал он, — я сам по себе.

— А к телефону кто подходил? — продолжала Кира все так же бойко, но его натренированное ухо вдруг уловило легкую фальшь. — Очередная дама сердца?

— Кира, ты зачем звонишь?

Она немного помолчала.

Бывший муж кинул полотенце и беспокойно уставился на себя в зеркало. Кира вздохнула на том конце провода. Вечная его манера — смотреть и не видеть. Если бы в зеркале вместо него вдруг оказалось изображение какого-то другого человека, он вряд ли бы это заметил.

— Сереж, Тимкин класс едет в пятницу в Кострому. На все выходные.

— Ну и что?

— Ну, и я не хочу, чтобы он ехал.

— Почему? — удивился Сергей.

— Да потому, что мы понятия не имеем, чем они там будут заниматься! — начала Кира сразу с высокой ноты, как будто продолжала давний, бессмысленный и надоевший спор.

Впрочем, так оно и было. Именно его она и продолжала, и он даже имел название и краткое содержание — либретто, как балет.

Название было «Плоды неправильного воспитания, или Некудышный отец». Краткое содержание: «Тебе наплевать на собственного сына. От тебя не дождешься даже ерундовой поддержки. Ну скажи, чему ты научил его, как отец?! Рассказывать анекдоты?! Кидать снежки?! Лазать через забор на даче?! Ты что, не понимаешь, что не имеешь на него никакого влияния?! Ты что, думаешь, что, если...»

— Кира, — прервал он ее монолог, хотя она давно молчала — весь монолог он прокрутил в голове, — я не понимаю, почему Тим не может поехать в Кострому, если туда едет весь класс?

— Да в том-то и дело, что не весь! Едут человек восемнадцать, как всегда, все его дружбаны, и его тоже тянет! А я не знаю...

— А программа есть, — перебил ее Сергей, — программа пребывания? Что они там делать собираются?

— Есть, наверное, — неуверенно ответила Кира.

— Ты не смотрела?

— Нет.

Он вздохнул:

— Ну, и чего ты от меня хочешь?

— Я хочу, чтобы ты ему запретил.

— Здравсте! — сказал он сердито. — Почему я должен?!

— Я понимаю, что ты ничего не должен, — отчеканила Кира, — ты никогда ничего и никому не должен, особенно нам. Но я не хочу, чтобы он ехал. Я не уверена, что там за ними станут нормально смотреть. Я не желаю потом никаких неприятностей.

— Каких неприятностей, Кира? Им по тринадцать лет!

— Вот именно.

— Если ты имеешь в виду сексуальную сторону, то я научу его пользоваться презервативом. Специально для этой поездки.

— Ты просто придурок, — тихо сказала Кира, — как это я забыла!..

— О чем, — спросил он, — о том, что я придурок?

Но она уже повесила трубку. Ей все было ясно.

Ей давно все стало ясно.

Странно только, что сначала она ничего не понимала и была так влюблена в него, что ему казалось: даже если солнце повернет в другую сторону, она его не разлюбит. Он отлично помнил, что думал об этом именно такими словами — «солнце» и «повернет». И вправду придурок.

Тогда ей исполнилось двадцать, а ему двадцать четыре — гигантская разница в возрасте. Он был взрослый человек, инженер, а она девчонка, студентка.

С тех пор прошло пятнадцать лет, и ей наконец-то все стало ясно. И ему тоже.

— Сереж, — позвала из-за двери Инга, — ну что ты так долго?! Выходи, я кофе сварила.

— Выхожу, — ответил он.

Под конец их брака он готов был ее убить. Просто взять и убить — застрелить из пистолета или подсыпать яду в чашку. Он не знал, куда ему деться от ее ненависти — она была повсюду. Даже его рубашки, которые она вышвыривала из своей половины гардероба, потом долго пахли ее ненавистью. Он не мог бы этого объяснить, но чувствовал очень остро.

Потом она сказала: «Я больше не могу. Я тебя ненавижу».

И они развелись.

Ну и что? Все разводятся. Из тех, кто поженился в один год с ними, вместе остались только Леха и Ленчик — родили троих детей, опростились и предпочли истинные ценности всему наносному и буржуазному. И еще Дима с Ольгой — эти, наоборот, во все лопатки делали карьеры, деньги, детей, и все им удавалось, и все у них получалось, и дети были красивые и умные, и карьеры — успешные, и домик построился в «тихом пригороде», и родители весело и ненавязчиво помогали им с неразумными чадами, пока еще чада были неразумными, и до сих пор помогают, хотя они уже малость поумнели.

А у Сергея с Кирой так не вышло.

Ну и что? Почти ни у кого не выходит, если не считать Диму с Ольгой, а Леха с Ленчиком не в счет.

— Сережа! Ну это просто невозможно!..

Он распахнул дверь и почти вывалился в коридор. Следом за ним из ванной в коридор повалил пар и закружился, и повис, и зеркало моментально подернулось пленкой.

— Кто такая эта Кира?

— Моя бывшая жена.

— Иди ты!.. — вдруг брякнула Инга, как будто он сообщил, что Кира — королева монархического государства Нидерланды. — А почему она сказала, что она яд?

— Да не яд! У нее такая фамилия — Ятт. Кира Ятт. Ее отец родился в... английской семье.

— Ух ты! — восхитилась Инга, окончательно уверовав в королеву Нидерландов. — Класс какой! А она из Англии звонила?!

— Из Москвы, — буркнул Сергей.

— Как же, — удивилась Инга, — ты же говоришь, что она из английской семьи?

Сергей вдохнул и с силой выдохнул.

Секс был просто замечательный. Просто отличный секс. Но даже за отличный секс он не готов платить такую дорогую цену.

Спать можно. Разговаривать нельзя. Ну, никак нельзя разговаривать! Как будто он говорит на одном языке, а Инга — Катя, Маша, Тома, Таня, Вика, Ира, Лена, Оля — вовсе на другом, причем выучить этот загадочный язык Сергею никогда не удавалось, хотя он пытался.

Или учил плохо? Или ему попадались все не те учительницы?

После Кириной ненависти он не хотел никаких «тех». Он хотел незамысловатых и понятных удовольствий, и получал их сколько угодно, и чувствовал себя неотразимым мужчиной — до той самой поры, пока не приходилось все же разговаривать.

— Ну и что? — крикнула из ванной Инга.

— Что? — спросил он.

— Зачем она звонила, твоя англичанка?

— А... это по поводу сына.

— У тебя есть сын? — изумилась Инга.

Он усмехнулся, завязывая галстук. Так ведь и не научился завязывать его как положено, на шее. До сих пор все завязывал на коленке — так когда-то было принято у них в общезитии. Это очень неудобно, и длина каждый раз оказывалась неподходящей, и Кира говорила, что это «не по-людски», но он не умел по-другому.

— У меня есть сын, — согласился Сергей, — тринадцати лет. А почему это тебя удивляет?

— Ну, ты та-акой... та-акой...

— Ка-акой?

— Ну, ты са-авсем молодой и та-акой свободный!..

Каким-каким, а свободным он перестал быть в те самые двадцать четыре года, когда влюбился в Киру.

С тех пор прошло пятнадцать лет.

— А чего им надо? — снова выплыла Инга. — Денег, что ли?

— Ингуль, — сказал он, морщась и рассматривая в зеркале свой галстук. Что-то было не так, а что именно, он все никак не мог понять. — Ну какая разница, что им надо? Не от тебя же надо!

— Да мне наплевать, — сообщила Инга издалека. Раздалось непродолжительное шипение, похожее на всплеск, и через некоторое время в носшибанул запах серьезных, совсем не утренних духов. Инга любила именно такие духи, серьезные и крепкие. — Просто чудно. Она вроде никогда тебе не звонила.

Она звонила часто — на работу. С тех пор как они развелись, общение строго дозировалось — всего несколько минут, лучше всего с работы, когда и ему не до нее, и ей не до него. Так проще и безопасней.

Он допивал кофе и думал уже совсем о другом — кто поедет в апреле на выставку в Париж и кто и что станет докладывать на конференции в Техасе, — когда телефон опять зазвонил.

— Пап, — позвал из трубки странный голос — нечто среднее между петушиным фальцетом и шаляпинским басом, — это я. Привет.

— Привет, — сказал Сергей, — ты чего?

— Я ничего! А ты чего?

— И я ничего, — весело признался Сергей, — ты по поводу Костромы?

— Мама не хочет, чтобы я ехал, — озабоченно прогремел бас и тут же сменился фальцетом. — Пап, ну что такое-то? Я же не грудной младенец! Все едут, а я чего?

— Все? — переспросил Сергей.

— Ну, не все, — признался его сын, подумав, — ну не все, но почти все! А я?

— Тим, я с мамой не договорил. Я думаю, что она мне еще позвонит, и я постараюсь ее уломать. Кстати, почему она не хочет, чтобы ты ехал?

Тимофей моментально заюлил и стал быстренько и аккуратно запутывать следы, как заяц перед носом у лисы. Прорвавшись через поминутно повторяющийся «ясный перец» и «полный отстой», Сергей сообразил, что дело, очевидно, нечисто. Кира взбрыкнула не просто так.

— Так, — спросил он своим самым отцовским голосом, — в чем дело? Ты что? Начал курить?

Все оказалось еще хуже. На прошлой неделе за школой их застукал завуч. Они пили пиво. Сергей ничего про это не знал.

— Все ясно, — холодно произнес Сергей, — на маминем месте я бы тебя не то что в Кострому не пустил, я бы тебя на цепь посадил!

— Папа!..

— Тим, ты же должен соображать! Давай я привезу тебе ящик пива, ты его выпьешь, и потом мы вместе оценим последствия. Ты же не... павиан, а вся реклама рассчитана именно на павианов!

— При чем тут реклама!

— Вот ты мне теперь попробуй сказать, что пиво вы пили не из-за рекламы! Какое там у нас самое «продвинутое»?

— Папа!

— Тим, я никогда в жизни не поверю, что тебе до смерти захотелось пива! Этого просто не может быть. Я же все про это знаю!

— Зна-аешь! — передразнил Тим. — Конечно, знаешь! А сам ты когда начал пиво пить? В тридцать лет, что ли?!

В устах его сына тридцать лет прозвучало как двести. Сергей усмехнулся:

— Я точно не помню. Лет в восемнадцать, наверное. Мне некогда было, и времени было жалко на пиво!..

- Ну ясный перец!
- Да не перец, — сказал Сергей с досадой, — теперь вот не будет тебе никакой Костромы с друзьями и подружками, а все из-за пива. Оно того стоит?
- Папа! И ты тоже!
- Я не тоже! Если тебе нечем занять мозги до такой степени, что приходится занимать их пивом, я моментально найду тебе дело. Все, Тим. Я не хочу это обсуждать. Я позвоню маме и заеду вечером, если... смогу. Мы все обсудим.
- Нет, — вдруг грустно ответил Тим, — не заедешь ты вечером.
- Почему? — удивился Сергей. Придерживая плечом трубку, он мыл под краном свою кружку. Помыл, сунул на полку и посмотрел на стол. Была еще Ингина кружка, но он не стал ее мыть.
- Потому, — отрезал сын, — ты что? Не понимаешь? У нас сегодня этот козлина ночует.
- Какой... козлина? — не понял Сергей. И как только спросил, сразу понял.
- Мамин! — выпалил Тим. — Козлина вонючий! Припрется и сидит перед телевизором в одних носках! Как будто ему больше не в чем сидеть! А меня он зовет Тимоша! Урод! Ух, как я его ненавижу!..
- Тим. Замолчи.
- Почему я должен молчать?! — Фальцет поехал в обратную сторону и переехал в расстроенный бас, — я его ненавижу! После него в ванной на полу всегда лужа, как будто он на пол писает!
- Тим.
- А жрет, как будто три года голодал! Я его спросил в прошлый раз: может, он житель Сомали, а он захихикал как придурочный! Он на всю голову больной, пап!
- Тим.
- А маму он зовет «Кирха», шутит так, блин! И он привез к нам свой халат! — И разгневанный Тим издал горлом звук, который должен был свидетельствовать о

том, что его сейчас вырвет. — Халат, ты представляешь?! По утрам он выходит в халате и говорит мне, что его, блин, никто не провожал в школу, а меня мамочка кормит да еще и возит! Я его убью, пап!

— Тим. Успокойся.

Сергей смотрел в окно, за которым стремительно наступало утро, и совсем не знал, что сказать.

— Зачем вы развелись?! — вдруг прогудел в трубке сын и всхлипнул, отчетливо и глубоко, как в детстве, и Сергей вдруг увидел зареванную мордашу, уткнувшуюся в его свитер, золотистый хохол на макушке, выпяченные от горя губы и розовые кулачки, стиснувшие толстую ткань. Столько раз это было — не сосчитать и не вспомнить. — Ну кто вас просил разводиться?! Ну вы бы тогда не женились, придурки проклятые! Ну, что теперь мне делать?! Ну па-апа!

Ему пришлось некоторое время помолчать и ответить, строго контролируя свой голос:

— Тим. Я... позвоню маме. Мы договоримся, и я заеду. Мы все решим.

— Вы уже все решили, черт бы вас всех побрал! — заорал сын. — Вы все решили, а я должен только слушаться! Жду не дождусь, когда вырасту и... и...

— Сереж, — с досадой сказала Инга, — ты сидишь на моих брюках. Что, теперь мне их гладить, что ли?!

Короткие гудки пронзили барабанную перепонку, а Сергею показалось, что мозг.

— Какие брюки?..

— Ну вот! Мои брюки! Я их положила сюда, а ты...

Он сунул трубку в гнездо аппарата и стремительно прошел мимо Инги, которая подхватила свои портки и теперь держала их на весу, как младенца.

Щелкнул замок, лязгнула дверь.

Инга прислушалась, а потом пошла на звук. Брюки свешивались в разные стороны, полоскались, взблескивали шелком.

— Сережа? Ты где? Сережа?! А я?!

Когда она догадалась выскочить на балкон, джип уже отъезжал, небо отражалось в полированной чистой крыше.

— Сережа!!

Полыхнули красным тормозные огни, злобно взвизгнули колеса, машина как будто прыгнула за перекресток и исчезла из виду.

Настроение было отвратительным. У Киры всегда портилось настроение после разговоров с бывшим мужем, как будто это испорченное настроение могло хоть что-то изменить! Каждый раз приходилось уговаривать себя и утешать, потому что уговоры давно не помогали. Тим тоже неожиданно и не ко времени разошелся, и она никак не могла понять, в чем дело, а когда все же поняла, обозлилась еще больше.

Конечно, все дело в отце, будь он неладен! После разговоров с ним сын всегда впадал в нервное состояние, бросался на Киру и чуть не плакал, а сегодня даже плакал — крупными, детскими, неправдоподобными слезищами. Она с большим трудом выставила его к машине и видела в окно, как он плетется, волоча облезлый и чрезвычайной модный рюкзак, в широченных штанах, как будто падающих с попы, в уродливых ботинках и нелепой зеленой шляпе, тоже вроде бы очень модной.

Горькое горе.

Кира была умной и современной женщиной, никаких препятствий бывшему мужу не чинила, он мог встречаться с сыном сколько угодно и когда угодно, и бабушка с дедушкой «с той стороны» тоже никуда не исчезли из его жизни, и вроде бы все прошло с «наименьшими потерями», но невозможно, невозможно было видеть лицо сына, когда Сергей привозил его домой, доводил до двери и уходил, корректно попрощавшись с Кирой.

Может, зря она вела себя, как умная и современная? Может, ей нужно вести себя, как скандальная и отсталая

баба, просто запретить им видеться?! Может, тогда ее сын скорее бы все забыл и научился принимать жизнь такой, как есть?!

...Зачем она звонила? Ведь знала же, что ничем бывший муж не поможет, будет только с ослиным упрямством гнуть свое, говорить, что Кира поступает неправильно, если хочет уберечь мальчишку от непредвиденных обстоятельств и влияния коллектива! Вот он сам — вырос в коллективе, и ничего, все в порядке!

В порядке, черт бы его побрал!

Как это вышло, что она так его любила?!

Но ведь любила, и ревновала даже, и в Ригу с ним ездила, где жила тогда его бабушка, и хохотали они, и целовались, и по очереди качали кровать, в которой орал новорожденный Тим, а тот все время орал, и Сергей в пять часов утра выходил с ним во двор, чтобы он не перебудил соседей в их тогдашнем хлипком панельном доме на улице Фрунзе!

Кира потеряла глаза и прислушалась.

За стеной начальник опять ссорился со своим замом — ссорился от души, во все горло. Весь коллектив, должно быть, уже в курсе, что начальник и зам крупно поругались.

Все мужики — кретины и недоумки, вне зависимости от возраста и положения. Вот свежая и конструктивная мысль.

Про конструктивные мысли Кира вчера вдоволь наслушалась на заседании думского комитета, где она представляла «прессу». Разговоров было море. Конструктивных мыслей — ни одной.

— ...если ничего не понимаешь! — разорвался за стеной начальник Константин Сергеевич Станиславов. Кажется, его матушка была большой поклонницей русского драматического искусства, вот он и стал Константин Сергеевич, да еще Станиславов! — Я не намерен больше печатать бред, который ты мне подсовываешь! Ты сколь-

ко денег имеешь с каждой полосы?! А?! Нет, ты мне скажи!..

— И скажу, — орал в ответ зам. Его звали гораздо менее поэтично, всего лишь Григорий Батурич. И статья у него была не в пример импозантному шефу — мешок мешком. — Я тебе скажу, что, если б не мои ребята, журнал давно бы сдох на х.., а ты все руками машешь и...

— Я не машу руками! Я в следующий раз тебе морду набью за такие дела! Кто так поступает?! Ты же в последний момент всю полосу поменял, а у меня...

Кира решительно поднялась со своего места, прошла по поглощающему звук ковру и открыла полированную дверь, за которой происходила баталия. С некоторых пор три главных начальника — Константин Сергеевич Станиславов — ох-хо-хо! — Гриша Батурич и она сама — сидели в смежных комнатах.

Взъяренные мужики как по команде оглянулись на нее и снова воззрились друг на друга, готовые вцепиться друг другу в глотки.

— Брейк! — объявила Кира хладнокровно. — Один — один. Считаю до десяти. Кто первым уберется вон, тот победил.

— Кира, — заговорил Константин Сергеевич, не отрывая взгляда от врага, — я тебя прошу, выйди! У меня важный разговор. Выйди сейчас же.

— Вся редакция уже в курсе ваших важных разговоров, — проинформировала его Кира, подошла к креслу, устроилась, положив ногу на ногу, и закурила. — Пепельницу дай, пожалуйста, Костик.

Костик перевел на нее взгляд — она невозмутимо курила, — моргнув налитыми кровью глазами, нашарил пепельницу и по длинному полированному столу пустил ее в сторону Киры.

Пепельница поехала, закрутилась, сошла с дистанции и свалилась на ковер. Все трое проводили ее глазами.

— А-а, — вдруг завыл Костик, как будто это было пос-

ледней каплей, переполнившей чашу, — будьте вы все прокляты!

После чего схватил бутылку минеральной воды в кулак, как гранату, и стал яростно дергать пробкой о край все того же, светлого дерева, стола. Пробка упорствовала и не поддавалась, но он все-таки сорвал ее, оставив на полировке безобразные белые следы, — и выпил примерно половину бутылки.

— Слушай, Григорий, — выговорил он, тяжело дыша и утирая рот, — вот я при свидетелях говорю: я тебя уволю. Ты понял или нет? Еще один раз, даже не раз, а... и все. Я больше не могу.

Батурин некоторое время жевал губами, как будто матерился про себя, изо всех сил стараясь загнать мат обратно в глотку.

— А на мое место, — спросил он, перестав жевать, — кого? Ее?

Кира рассматривала свою сигарету.

— Да хоть бы ее, — в лицо ему выплюнул Костик, — она у меня из-под носа ничего уводить не станет.

— Костик, — медленно и отчетливо произнес Батурин, — я у тебя из-под носа никогда и ничего не уводил. Это все вранье. Я вообще не знаю, откуда ты это взял.

— Откуда надо, оттуда и взял, — сказал Костик устало, — все, Гриша. Иди. Я больше не могу.

Батурин еще постоял, изо всех сил стискивая в кулачище подцепленную на столе ручку, потом швырнул ее на ковер и вышел.

Воцарилось молчание — глубокое, как пишут в романах.

— Ну что? — спросила Кира, когда глубокое молчание ей надоело, — повеселили народ? Небось полредакции под дверью стояло! Жаль, ты не догадался в коридоре орать. Для удобства сотрудников.

— Да наплевать мне на полредакции! — вновь начал Костик, схватил бутылку и вылил в себя остатки воды.

Обошел стол и, отдуваясь, уселся на свое место. — Так больше нельзя. И вообще нам надо все обсудить!

— Нам — это кому?

— Мне, — буркнул он, — с тобой. Ты как-никак мой второй заместитель.

— Костик, если ты планируешь таким образом перевести меня в первые, я не пойду, и не мечтай даже.

— Почему?

— Потому. Ты же все понимаешь! Ты уволишь Батурина, возьмешь меня первым замом, я поработаю два года, а потом что-нибудь стряется, и мне придется уйти. Куда я денусь, когда все будут уверены, что я его подставила, чтобы заполучить должность?! Он же не пойдет работать сапожником! Он устроится в соседнее издание и...

— Кира, — прикрикнул Костик, — я твой начальник, а не наоборот! Как я решу, так все и будет!

— Ничего подобного, — хладнокровно ответила она, — я тоже что-нибудь предприму, если ты решишь! И вообще я не понимаю, почему ты на него взъелся! Он грамотный редактор, и пока что никто не уличил его во взятках! А то, что у вас разные взгляды, так это даже хорошо. Я только вчера смотрела рейтинги, и мы опять на первом месте. Мы самый читаемый журнал, Костик, а Батурин, между прочим, тут днюет и ночует, контролирует ситуацию.

— Лучше бы он дома ночевал, черт его побери, а ситуацию я и без него проконтролирую! Я... потом тебе скажу.

— Что? — насторожилась Кира.

— Потом, — морщась, повторил Костик и зачем-то показал глазами на потолок. Кира посмотрела. Потолок как потолок, ничего особенного.

— Потом, — повторил Костик с нажимом, — я тут такое узнал...

— Что?

— Батурин, — выговорил он одними губами, без звука, — потом.

— Костик, — осведомилась Кира, — мы играем в войну?

Он снова завел глаза к потолку и беспокойно шевельнулся в кресле.

— Я к тебе сегодня приеду, — объявил он неожиданно громко после своего трепетного шепота, — вечером, часов после девяти. Поговорим.

— Здравсте! — сказала Кира и с неудовольствием услышала в этом «здравсте» интонации бывшего мужа, — ты ко мне приедешь! Я... не готова.

— Да ладно! — вдруг развеселился Костик. — Я к тебе сто раз приезжал, и ты всегда была готова. А теперь что? Или у тебя любовник ночует?

— Любовника выставить не проблема, — ответила Кира небрежно, — я просто не люблю никакой горячки. Давай завтра.

— Нет, — твердо заявил Костик, — сегодня. Мне надо с тобой поговорить. Я на самом деле как-то не очень понимаю, что мне делать дальше. Я тебе расскажу, и мы вместе подумаем.

Кира посмотрела ему в лицо. Лицо было красивое — по обыкновению, и очень обеспокоенное — против обыкновения.

— Ну хорошо, — согласилась она и пожала плечами под безупречной кашемировой водолазкой, — приезжай.

— А любовник?

— Выставлю.

— Ну и отлично. Слушай, посмотри за меня первую полосу, что там в колонке главного редактора наваяли, а?

— Ты что, — удивилась Кира, — не сам писал?

— Нет, — буркнул Костик, — Верочка писала. Я заматался что-то.

— Верочка?! — изумилась Кира. — В твоей колонке?!

Господи, а почему я не могла написать?! Или Батуриной?! Как бы ты с ним ни лаялся, он бы все равно лучше Верочки написал!

— Кира! — закричал шеф и даже головой затряс, как эпилептик. — Я тебя умоляю, посмотри колонку! Если надо, перепиши! И иди отсюда, а?! У меня в два совещание в Минпечати, и еще эта должна прийти... дура из отдела новостей!

— Какая... дура из отдела новостей?

— Да бог ее знает! — как бы совсем потерялся шеф. — Ну, дура! Молодая такая! Она в прошлый раз президента назвала Василий Васильевич! Ко мне прибегает Магда Израилевна, приносит материал и говорит: «Не знаю, что делать, второй раз за неделю такие ляпы! А уволить не могу, папочка у нее!»

— Аллочка, что ли? — сообразила Кира.

— Да не знаю я! Не редакция, а публичный дом: Верочка, Аллочка, Розочка...

— Магда Израилевна, — подсказала Кира. Ей стало смешно.

Конечно, корреспонденту столичного политического еженедельника «Старая площадь» непростительно было не знать, что президента зовут вовсе не Василий Васильевич, а также и не Виталий Витальевич, а заодно и не Вениамин Вениаминович, но Костик кипятился как-то уж очень отчаянно, как будто переигрывал немножко. Да еще глаза возводил к потолку, что, очевидно, должно было означать, что в люстре у него подслушивающее устройство. В кино всегда возводили глаза к потолку, когда намекали на прослушку.

Что на него нашло? Какая прослушка? При чем тут Батуриной?

— Кира, — вслед ей попросил Костик, — скажи Раисе, что я эту дуру из новостей на полчаса раньше жду! Пусть она ее найдет.

— Ну, пусть найдет, — пробормотала Кира.

Им обоим было хорошо известно, что найти сотруд-

ника вне стен родной редакции почти невозможно, журналисты уходили «на задания» и исчезали, как будто подвергались дематериализации. Через некоторое время они объявлялись, и никому никогда в голову не приходило выяснять, где они были и что именно делали. Лишь бы материал сдали вовремя.

Так что не найдет Раиса «эту дуру из новостей», если только та не сидит на собственном стуле за собственным компьютером в собственной комнате.

Кира открыла дверь в крохотную приемную, чуть не стукнув по носу Верочку Лещенко. Верочка маялась прямо под дверью — Кира была уверена, что подслушивала.

— Привет, — выпалила Верочка и засияла глянцевой улыбкой, — я тебя жду. Или Костика.

Главного редактора почему-то все именовали Кости-ком, хоть и лет ему было почти сорок, и выглядел он скорее как Константин Сергеевич, нежели как Костик.

— Привет, — сказала Кира, — я уже освободилась. Ты хотела колонку показать?

— Ну да, — смущенно призналась Верочка.

— Верочка, здравствуй! — провозгласил из кабинета шеф. — Написала?

— Написала, — подтвердила Верочка и зарделась. Она всегда краснела, когда шеф к ней обращался, вот какая была застенчивая. — Я старалась, чтобы получилось в вашем стиле, но я точно не знаю...

— Кира посмотрит. — Костик вылез из-за стола и остановился в дверях, упершись руками в косяки.

Широченные плечи, пиджак «Хьюго Босс», стрелки на брюках, свежая стрижка, смуглая кожа — и загар не какой-нибудь там искусственный, а австрийско-горнолыжного происхождения.

Кира отвернулась, а Верочка продолжала смотреть на шефа как зачарованная. Поймав ее отражение в стекле книжного шкафа, Кира усмехнулась. Однажды в Лувре она попала в самый центр японского туристического

торнадо. Перед Джокондой японцы стояли точно так же, как Верочка перед Костиком, и одинаковые желтые лица были одинаково непонимающе восторженными, как у Верочки.

— Рая, — сообщила Кира секретарше, — визит барышни из отдела новостей переносится на полчаса раньше. — Костик в дверях согласно кивал. Кире стало смешно — чего он кивает? Раз уж вышел, говорил бы сам! — Константин Сергеевич просит вас найти ее и предупредить.

— Где же я ее найду, если ее на месте не окажется? — недовольно спросила секретарша. — Домашний есть у нее, не знаете, девочки?

«Девочки» — Кира с Верочкой — покачали головами.

— Вера, пошли ко мне в кабинет, я посмотрю материал.

— Чайку? — спросила Раиса и посмотрела на Киру поверх очков. Палец был плотно прижат к тому месту в списке сотрудников, где, очевидно, значилась «дура из отдела новостей». — Кофейку? Или сама поставишь?

— Конечно, поставлю, — согласилась Кира.

— Я вечером заеду, — в спину ей сказал Костик.

— Только ты позвони сначала, — напомнила Кира.

— Ну, ясный перец.

Кира закатила глаза. Этот «перец» вконец извел ее редакторское ухо. Тим практиковал его к месту и не к месту, и его друг Илюха тоже, и в редакции он носился от одного сотрудника к другому, как метеор! Кто его придумал, этот перец дурацкий!

— Костик, — предупредила Раиса у нее за спиной, — если ее на месте нет, я не знаю...

— Ладно-ладно, — бросил шеф, и дверь за ним закрылась. Кира знала по звуку, как закрывается каждая редакционная дверь.

...И все-таки почему Костик?

Никому и в голову не приходило называть ее бывшего мужа Сережик, а ведь они с Костиком ровесники, и Сергей в своей конторе такой же начальник, как Костик — в

своей. На работе его звали исключительно Сергей Константинович, хотя неудобно это было и длинно, и язык непременно запутывался между всеми «т» и «н». Может, просто среда другая?

— Тебе чай или кофе? — Кира была недовольна собой и поэтому говорила громко, громче, чем всегда.

Бывший муж вторгся в ее мысли слишком бесцеремонно, и она не знала, как теперь от них избавиться.

Верочка ничего не знала про Кириного бывшего мужа, который застрял в ее мыслях, слышала только громкий недовольный голос и смотрела на Киру с некоторой опаской и некоторым излишком преданности.

— Не обращай внимания, — сказала ей Кира, — я просто думаю о другом. Так чай или кофе?

— Кофе, — выбрала Верочка. — Кир, а почему он меня попросил колонку за него написать? Ему... нравится, как я пишу?

Скорее всего попросил потому, что ее мордашка первой попалась ему на глаза, подумала Кира. Это очень в духе Костика. Самому писать лень. Замов искать лень. Ну пусть хоть вот эта напишет, хорошенькая! Потом в случае чего перепишем!

— Я не знаю, — ответила Кира, не придумав ничего получше. Она понятия не имела, как пишет Верочка, и не хотела авансом говорить, что та пишет хорошо. Просто чтобы потом не сказать, что материал плохой. — Давай посмотрим.

Ее бывший муж Сергей Константинович, которого только-только удалось загнать в темный угол, опять нагло влез в самую гущу Кириных мыслей.

В отличие от большинства мужчин, вставших в популярный нынче «кризис среднего возраста», вышеупомянутый Сергей Константинович девчонок не любил, особенно на работе.

«Мне проще все сделать самому, чем тридцать три раза объяснить, что нужно, потом три часа ждать результата, а потом переделывать заново».

Пожалуй, в этом Кира была с ним согласна.

...Зачем она о нем думает, будь он неладен! Все из-за Тима с его Костромой! Надо было сказать Сергею, что накануне их сын в компании с другом Илюхой надергался за школой пива, и дело именно в этом, а не в том, что Кира вознамерилась оградить его от жизни и... как это говорится?.. да, привязать к своей юбке.

Кира в жизни не носила юбок.

Дело оказалось не так уж плохо. Стиль был неплох, и тон выбран правильный, и даже похоже на то, как обычно писал сам Костик — наверное, проглядела подшивку!

— Все ничего, — сказала Кира с удовольствием и посмотрела на Верочку. Та немедленно покраснела и спряталась за свою кружку. — Только вот здесь надо переделать. Добавить фактуры, ну ты понимаешь.

Кира закрыла файл и отпила из кружки.

— Переделай. Я посмотрю, а Костик туда что-нибудь добавит. Очень неплохо. Молодец.

— Спасибо, — пробормотала Верочка, — мне было... очень страшно. Можно, я сначала тебе покажу, когда переделаю?

— Ну конечно! Я же говорю, что посмотрю. И Костик скажу, что ты молодец.

Верочка улыбалась совсем другой, не глянцевой, а искренней и свободной улыбкой.

— Кир, а из-за чего они с Батуриным поссорились? Я только приехала, вошла в коридор и слышу, как он орет. Если бы он на меня так заорал, я бы умерла, наверное.

— Не умерла бы, — отрезала Кира, — на нашей работе нельзя умирать из-за того, что начальник орет. Он все время орет, сколько я его помню.

— Ты... давно с ним работаешь?

— Лет пять. Как только появился журнал. Он был редактором, а я корреспондентом. Потом я стала редактором, а он ответственным. Теперь он главный, а я его заместитель.

— А Батурин?

— Что — Батурин?

— Он тоже... с вами начинал?

— Батурин пришел года два назад. Он был военный корреспондент где-то на телевидении. Потом вышла какая-то история, я точно не знаю. — Кира все знала совершенно точно, но Верочке рассказывать не собиралась. — Его ранили, он до сих пор хромает. С камерой по ущельям скакать больше не может, вот и работает у нас.

— Григорий? — недоверчиво переспросила Верочка. — С камерой по ущельям? Ты его ни с кем не путаешь?

— Я ни с кем его не путаю, — отчеканила Кира, и Верочка моментально сообразила, что на этот раз выбрала неверный тон. Сообразила и немножко струхнула.

— Налить тебе еще или больше не будешь?

Верочка быстренько и подобострастно отказалась и выскочила из кабинета в приемную.

— Поговорили? — дружелюбно спросила секретарша Раиса. — Чайник у нее горячий небось? Пойти, что ли, чайку налить, пока главный занят...

— У него кто-то есть? — спросила Верочка, замирая от благоговения.

— Из новостей. — Раиса выдвигала один за другим ящики стола, искала кружку, нашла и посмотрела скептически — мыть или не мыть. Решив, что мыть не стоит, она выбралась из кресла и постучала к Кире: — Я у тебя чайку налью, Кира?

Верочка прислушалась.

Главный опять бушевал — не так громко, как полчаса назад, но все же в приемной и даже в коридоре было слышно.

— Я вас уволю к чертовой матери, — кричал он за тонкой стеной, — и мне плевать, где вы работали раньше и что вас сюда пристроил ваш папа! Пусть тогда папа приходит и пишет! Что это такое — за час до сдачи номера такие выкрутасы! Что вы себе позволяете?!

Верочка еще немного послушала его крики — как музыку, потому что очень гордилась собой. Ей-то строгая, чопорная и холодная акула Кира Ятт сказала, что «все ничего»! Она, Верочка, написала такой материал, что сама Кира сказала «ничего»! Это было несколько ниже Нобелевской премии по литературе, но все же выше Букеровской — по крайней мере, она именно так это себе представляла.

Верочка вырулила из приемной и тихонько прикрыла за собой дверь. Она была в самом конце коридора, когда ее обогнала высоченная патлатая девица, похожая на внезапно вспугнутую дикую лошадь. Каблуки у нее стучали, глаза были полны слез, и папка, которую она судорожно прижимала к плоской груди, выглядела щитом — последним оплотом погибающего воина.

— Привет, — с любопытством проговорила Верочка.

— Привет, — выдавила девица, — я... тороплюсь очень, извини.

Оно и видно, подумала Верочка. Небось папе нужно срочно позвонить, наябедничать. Главный, конечно, не подарок, зато умен, хорош, и журналист блестящий, и мужчина хоть куда — не справишься тебе с ним, дорогая. Даже с помощью папы не справишься! У главного скорее всего свой папа имеется, и ничуть не хуже твоего, а может, даже и лучше.

Девица, по-лошадиному переставляя длинные ноги, неслась в сторону отдела новостей, когда наперерез ей выдвинулся откуда-то Григорий Алексеевич Батулин. Выдвинулся так неожиданно, что они столкнулись, и девица даже покачнулась.

— Простите, Григорий Алексеевич, — сказала она хрипло, — я... тороплюсь.

— Ничего, — ответил Батулин после паузы, — все в порядке.

Очевидно, не все было в порядке, потому что он как-то судорожно перехватил палку, на которую опирался, и даже на секунду взялся рукой за белую стену.

Кобылица сделала движение, как будто намеревалась его поддержать.

— Спасибо, не нужно, — твердо сказал он, — я же говорю, что все в порядке.

Просто так таращиться на них, стоя посреди пустого коридора, было неловко, а Верочке очень хотелось посмотреть продолжение. Особенно после того, что рассказала акула. Собственно, она почти ничего не рассказала, но бывший военный корреспондент — боже мой, как романтично! — заинтересовал Верочку, которая раньше на него не обращала никакого внимания.

Она думала только одну секунду, потом вытащила из кармана пиджака оставшуюся с прошлого лета карточку метро и нырнула под блестящий панцирь настенного телефона.

А что такого? Может, ей срочно нужно позвонить! Журналисты то и дело звонили по этому телефону, она сама видела. Карточку она сунула в прорезь и сняла трубку. В трубке громко гудело, мешало слушать. Верочка набрала цифру «два».

— Простите, пожалуйста, — смиренно попросила кобылица еще раз, — я плохо вижу и очень спешу...

— Вы из отдела новостей? — спросил Батурин как-то неуверенно, как будто не сразу вспомнил, как называется отдел, — вас главный вызывал. Правильно?

— Правильно, — согласилась девица, отвернулась и некрасиво шмыгнула носом, — я должна идти, извините.

— Вы что? — Голос у зама был подозрительный. — Ревете, что ли?!

Верочка на миг высунулась из-под панциря, взглянула, спряталась и набрала цифру «три».

— Я... не... реву, — по слогам ответила кобылица, и стало понятно, что она именно ревет, — у меня неприятности.

— Понятно, — мрачно сказал хромой зам главного. — Реветь бросьте. Костик часто устраивает шум по пустя-

кам. Правильно я понял? Вы от Костика идете в такой истерике?

Девушка вдруг сорвала очки в модной крошечной оправе и стала судорожно шарить по карманам. От Батурина она отворачивалась.

— Я не... понимаю, правда, не понимаю... за что он меня так...

— Почему вы не понимаете? Он что, не объяснил, в чем дело?! Я не верю, что он вам не объяснил, за что!..

— Да знаю я, за что! — перебила его девушка, выхватила из кармана платок и принялась судорожно протирать стекла. Губы у нее кривились, как в предсмертных судорогах. — В том-то и дело, что знаю!

— А чего ревете?

— Я не реву!

— Ревете.

— Я реву потому, что это... это... не я!

— Как — не вы? — искренне удивился Батурин и переступил. Скрипнула его палка. — Если это не вы, то где тогда вы?!

— Нет, — она вдруг улыбнулась, — я — это я. Просто я не делала ничего из того, за что он меня... когда он меня... а я даже не смогла... а я ничего, ничего этого не делала!

В конце коридора показался Леонид Борисович Шмыгун, и зам с кобылицей как по команде замолчали.

— День добрый, Григорий Алексеевич.

— Здравствуйте, Леонид Борисович.

— Я к вам наведаюсь попозже. Вы будете на месте?

— Пока никуда не собираюсь.

— Непременно наведаюсь.

Верочка устала на свой телефон и, соблюдая конспирацию, стала набирать все цифры подряд. Леонид Борисович прошел, слегка кивнув в ее сторону. Она тоже слегка кивнула под прозрачным панцирем и нажала отбой. За Львом Борисовичем по коридору волочился

густой шлейф дрянного одеколона. Верочка сунула нос в свой рукав, чтобы переждать вонь.

— Я ничего не понял, — негромко сказал Батурин, — что это значит? Вы или не вы или кто там еще! Объясните.

— Не хочу я ничего объяснять, — с тоской произнесла девица, — все равно вы мне не поверите! Ну, не писала я в материале, что Гонконг — европейский город с европейской же культурой! И президента Василием Васильевичем я тоже не называла!

— Гонконг? — переспросил Батурин с сомнением. — Василий Васильевич?

— Ну вот видите! — опять закричала девица. — Конечно, все дело в том, что я такая идиотка, и у меня папа, которым меня все попрекают! Что мне теперь, другого отца найти, что ли?! А про Гонконг я не писала! Я понятия не имею, откуда он взялся в тексте! И я знаю, как зовут премьера, президента и всех остальных! Я же не сумасшедшая!

— Тогда откуда главный это взял?..

— Из моего материала!

— Ну, вот видите.

— Да говорю вам, что я ничего этого не писала!

— А кто писал, — спросил Батурин холодно, — ваши враги? Вам подменяют материалы? Конкурентная борьба за место под солнцем?

Девица кое-как напялила очки и посмотрела на Батурина свысока. Она была почти одного с ним роста.

— Простите, Григорий Алексеевич, я должна идти. Мне как раз будет звонить папа. Может, мне подать на родителей в суд? Их лишат родительских прав, и я перестану всех раздражать!

Батурин усмехнулся.

— Лучше проверьте ваш компьютер на вирусы, — неожиданно посоветовал он. Девица уставилась на него. — Сын Киры Ятт недавно нам удружил один. Десять слов